

АЛЕКСЕЙ ВЕКШИН

ЖЕЛЕЗНЫЙ СЕЗОН

Алексей Векшин

Железный сезон

<https://litres.ru/74606804>

SelfPub; 2026

Аннотация

Списанный «Кедр-6» медленнее фаворитов, требует ремонта и продаётся без правого манипулятора. Инженер Рина Тарен видит в нём рабочую машину. Бывший военный пилот Денис Корд — шанс вернуться за рычаги.

Они покупают мех в долг и собирают команду для Лиги переходов. Чтобы выиграть право на северный рабочий маршрут, придётся провести восемнадцать тонн по разрезам и тоннелям, доставить груз и выдержать встречи с чемпионом. На детали нужны деньги, а пылевой сезон всё ближе.

Денис привык решать быстро и за всех. Однажды это уже стоило чужих жизней. Теперь рядом люди, которые умеют спорить с ним, и старая машина, которой недостаточно приказать дойти до финиша.

Содержание

Глава 1. Последний пилот	4
Глава 2. Кедр	19
Глава 3. Очень дорогой металлолом	36
Глава 4. Лучший из худших	48
Конец ознакомительного фрагмента.	61

Алексей Векшин

Железный сезон

Глава 1. Последний пилот

— Правую ногу назад, — сказал Денис. — Не всю машину. Только ногу.

На экране учебного пульта зелёная ступня выехала за край опорной плиты. Денис уже потянулся к переключателю связи с диспетчером, когда в кабине над ним послышался короткий стук. Шагоход повёл грузом вправо. Шесть тонн бетонных блоков, подвешенных к захвату, качнулись над жёлтым ограждением.

За ограждением стояли люди.

— Стоп демонстрация! Всем отойти от полосы!

Его голос вышел через громкоговорители таким громким, что девочка в первом ряду закрыла уши. Мужчина рядом с ней ещё секунду смотрел на машину, будто ждал интересной части представления. Потом схватил девочку за плечи и развернул к выходу.

Денис удерживал красную клавишу остановки. На экране появилась отметка принятой команды. Захват замер, но груз продолжал раскачиваться, и корпус семиметровой машины медленно наклонялся следом.

— Я остановил, — сказал курсант. — Корд, я всё остановил!

— Вижу. Руки с управления. Сиди в кресле.

Правая ступня ушла с плиты всего на ладонь. Этого хватило: под носком промялся грунт, и теперь машина стояла на левом приводе и правой пятке. Автоматическая остановка заперла шарниры в положении, в котором никакой тяжёлой машине не стоило оставаться надолго.

Курсант сделал именно то, чему его учили. От этой мысли Денису стало особенно неприятно.

— Диспетчер, уберите людей за склад. Зону падения держать пустой. Мне нужна аварийная группа.

— Группа выходит. Снимите нагрузку с захвата.

— У меня учебный пульт. Снять блокировку не могу.

По ту сторону ограждения охранник торопил посетителей. Большинство уже уходило; двое мужчин стояли с поднятыми телефонами. Денис показал им рукой за склад, не выбирая вежливого жеста. Один всё-таки опустил телефон.

В правом колене шагохода что-то звонко щёлкнуло.

Денис поставил пульт на землю и побежал к машине.

Он знал этот щелчок. Если площадку не подсыпали под пяткой, дальше стопа начнёт вращаться вокруг края бетонной плиты. Колено примет боковую нагрузку, которой на испытании вообще не должно быть. Они лишатся ноги раньше, чем аварийная группа успеет поставить подпорки.

Лестница висела на задней стороне корпуса. Денис вско-

чил на нижнюю скобу, зацепился обеими руками, поднялся на три ступени. Машина качнулась. Его прижало грудью к перекладине, и на секунду он увидел под собой верхнюю грань блока — белую, с нарисованной синей цифрой шесть.

— Корд, назад! — раздалось из громкоговорителя.

Он подтянулся к площадке кабины и ударил ладонью по аварийному замку.

Курсант сидел, вцепившись в край кресла. На коленях у него лежали прозрачные защитные очки. Денис сам заставил его снять их перед посадкой: в них бликовала приборная панель.

— Я не давал правую, — сказал парень.

— Потом разберёмся. Отстегнись.

— Мне сказали сидеть.

— Я сказал. Теперь говорю: отстегнись. Выходи на площадку, лицом к лестнице. Медленно.

Парень послушался, но застёжка не поддавалась. Денис нажал на край пряжки, освобождая натянутый ремень. Курсанту пришлось наклониться к нему почти вплотную. От воротника пахло дешёвым стиральным порошком и горячим пластиком.

— Упадём?

— Если будешь смотреть, как я работаю, помешаешь. Иди.

Денис проводил его до двери, дождался, пока обе ноги встанут на площадку, и сел в кресло. Нижний ремень остал-

ся отрегулирован под худого двадцатилетнего парня; Денис с силой вытянул ленту, защёлкнул пряжку и подключил гарнитуру.

Правый экран показывал красивую неподвижную схему. По этой схеме машина стояла ровно. У дешёвого демонстрационного комплекта датчик положения стопы обновлялся только вместе с основной системой движения. После остановки он продолжал показывать последнюю принятую позицию.

Через нижнее стекло Денис видел настоящее положение гораздо лучше.

— Диспетчер, Корд в кабине. Люди вышли?

— Полоса освобождена. Аварийная группа у южного въезда. До вас девяносто секунд. Не снимайте блокировку.

В колене снова щёлкнуло. На этот раз длиннее, как если бы кто-то медленно ломал толстый кусок сухого дерева.

Денис посмотрел на южный въезд. Две низкие машины ехали к нему с длинными рамами на прицепах. Они были ещё за дальним рядом плит.

— Блокировку не снимаю. Требуется местное управление захватом. Людей со стороны грузовой руки нет?

— Нет. Что будете делать?

Захват удерживал груз в четырёх метрах перед машиной. Если опустить бетон прямо здесь, блоки встанут на ограждение и опрокинутся под ноги. Если отбросить захват, разорвёт подвесную ленту, и те же блоки полетят через ограж-

дение. Но в двух метрах левее лежала свободная плита. На неё можно было поставить груз, не заставляя машину переступать.

Денис назвал диспетчеру номер плиты и нужный сектор. Тот запросил подтверждение у наблюдателя. Пока они обменивались словами, правая сторона кабины опустилась ещё на несколько сантиметров.

К нижнему стеклу прилипла пыль.

— Сектор чист, — сказал диспетчер. — Разрешаю местное управление захватом. Только захват. По моей команде аварийная группа ставит опоры.

Денис сорвал крышку с механического переключателя. Под ней оказалось три рычага, все тугие, с непривычно длинным ходом. Он включил местный контур и начал опускать груз. Левой рукой выбирал слабинку, правой поворачивал плечевой узел, по несколько сантиметров за раз.

Машина сопротивлялась всем корпусом. В неподвижных ногах дрожали запертые приводы; на панели загорелся перегрев плеча. Денис убрал поворот, продолжая опускать. Бетон коснулся ограждения, смял две секции и упёрся нижним углом в плиту.

Теперь главное было не отпустить захват раньше времени. Он подал руку чуть вперёд. Блоки наклонились, перенесли вес на бетон и легли плашмя с таким ударом, что кабина отозвалась низким звоном. Из-под груза вылетела струя серой пыли.

Денис разжал захват.

Корпус резко качнулся назад. Ремень ударил его по животу. Он удержал руку над плитой, пока качание не ослабло, и только тогда выключил местное управление.

— Груз на земле. Приводы заперты. Подходите сзади слева, справа не стоять.

— Принято.

Теперь аварийные машины были совсем близко. Один из техников поднял руку, показывая, что услышал. Денис опустил затылок на подголовник и впервые заметил, как часто дышит.

На панели продолжало гореть слово «ДЕМОНСТРАЦИЯ».

Он выключил и его.

Через двадцать минут шагоход стоял на трёх монтажных опорах. Груз обвели сигнальной лентой, согнутые секции ограждения сложили рядом. Демонстрационный день отменили, и люди медленно расходились к остановке полигонного автобуса. Та самая девочка держала в руке бумажную модель шагохода. У модели была оторвана одна нога.

Денис сидел на бордюре и прижимал к ладони стерильную салфетку. На лестнице он содрал кожу с костяшек, но кровь выступила только сейчас.

Курсант стоял перед ним, не решаясь сесть.

— Там ковш был, — сказал он наконец.

— Где?

— На виде сзади. У границы. Я подумал, если ногу отвести, задену. Дал вбок.

Денис вспомнил жёлтую полосу на вспомогательном экране. Её закрыл размытый край кузова. Ковш учебного погрузчика оставили вне прохода, но из кабины он казался ближе. Денис смотрел на стопы и груз; экран заднего обзора находился у курсанта под рукой.

— Ты почему не сказал?

Парень пожал плечами.

— Вы говорили назад.

Денис открыл рот и закрыл его. Потом отодвинулся, освобождая место на бордюре.

— Садись. Как тебя зовут?

— Лев. Мы же три дня занимаемся.

— Помню. Сейчас хотел услышать от тебя. Пить будешь?

Лев сел. Денис протянул ему бутылку, и парень выпил почти половину, не отрываясь.

— Стопу увёл ты. Но препятствие должен был проверить я, — сказал Денис. — Я стоял на земле. Мне было видно. Вместо этого решил, что ты опять путаешь движение ноги с движением корпуса.

— Я и путал.

— Вчера. Сегодня ты обходил ковш. Если что-то видишь, говори сразу. Даже когда я уверен, что знаю лучше.

Лев кивнул, глядя на бутылку.

— Меня теперь уберут?

— Сегодня точно больше не посадят. Дальше будет разбор. Рассказывай, как было, и не помогай комиссии придумывать удобную версию.

— Это как?

— Не говори, что испугался, если начал манёвр до того, как испугался.

Лев чуть выпрямился. Это Денису понравилось больше, чем благодарность.

К ним подошёл начальник полигона.

Олег Савин носил белую рубашку даже в мастерской. Сейчас рукава были закатаны, и на правом манжете виднелась чёрная полоса. За последние полчаса он успел сунуться под машину и поговорить с каждым, кто там работал.

— Лев, медицинский пункт. Потом к диспетчеру, заполнить объяснение. Корд, со мной.

Денис встал, сунул использованную салфетку в карман и пошёл следом. Савин ничего не говорил до входа в административный корпус. В коридоре было прохладно, пахло полиролью. Из комнаты снабжения доносился раздражённый женский голос: кто-то требовал вернуть переносные ограждения до следующего утра.

В кабинете начальника на столе лежал распечатанный наряд. Савин сел, взял карандаш и обвёл фамилию Дениса.

— Почему полез в кабину?

— Правое колено не выдержало бы до прихода группы.

— По датчикам запас был две минуты.

— Датчик после остановки не обновлялся.

Савин положил карандаш.

— Это уже проверили. И трещину нашли. Я спрашиваю, почему полез именно ты.

— Ближе никого не было.

— У тебя приостановлен допуск к самостоятельной работе на силовых платформах нашего полигона. Временно, до гражданской переаттестации. Про военный допуск даже не говорю. Ты знаешь.

— Знаю.

— Я тоже знал. Поэтому поставил тебя инструктором с наземным пультом. Не пилотом демонстрации.

Денис смотрел на обведённую фамилию. Слишком похоже на старые бумаги, чтобы шутить.

— Груз на земле. Никто не пострадал.

— Это хорошо. А теперь мне нужна процедура, по которой в следующий раз всё не будет зависеть от того, есть ли на площадке Денис Корд.

Савин открыл на столе запись происшествия. Из динамика прозвучало: «Правую ногу назад». Он выключил звук.

— Ковш почему там стоял?

— После утреннего занятия оставили.

— И ты провёл людей на площадку, не обойдя полосу целиком.

— Да.

Начальник кивнул и сделал пометку. От этого короткого

движения Денису стало хуже, чем от повышения голоса.

— До конца разбора полевые занятия без тебя. Методический класс, тренажёры, проверка программ. Зарплату сохраняем.

— Надолго?

— Пока не закончим. И не спрашивай меня, можно ли быстро устроить переаттестацию. После сегодняшнего быстро не получится.

Денис и не собирался спрашивать. Он собирался сказать, что две недели назад Савин сам жаловался на нехватку инструкторов. Но жалоба была верной, а сегодняшний манёвр от этого лучше не становился.

Савин закрыл запись.

— Лев останется. Сначала тренажёр, потом новая группа. Если ты переживал.

— Переживал.

— Объяснение мне до шести. Отдельно перечисли недостатки демонстрационной системы. Без предложения купить всё новое, денег нет.

Денис уже взялся за ручку двери, когда Савин добавил:

— И сходи к врачу. У тебя на спине кровь.

В медицинском пункте выяснилось, что на спине всего лишь длинная ссадина. Медсестра разрешила прилипшую к ней рубашку и сказала, что рубашку можно выбросить. Денис объяснил, что это его лучшая рабочая. Она посмотрела на расплзшийся воротник и ничего не ответила.

К пяти он дописал объяснение. Из перечня недостатков пришлось вычеркнуть три пункта, которые были одной и той же злостью, изложенной разными словами. Остались отключающийся датчик, ложная перспектива задней камеры и отсутствие вторичного контроля границ полосы.

Под конец он добавил необходимость повторного обхода после каждой смены группы. Это означало, что инструктор будет терять ещё десять минут на занятии. Денис представил, как сам на прошлой неделе возмущался бы таким требованием.

Он отправил документ, погасил экран и остался сидеть в пустом классе. Через окно были видны две целые демонстрационные машины и одна на опорах. У всех трёх кабины находились выше окон второго этажа. С земли такая высота казалась ненужной, пока не попадался первый разлом, через который нельзя было провести ни погрузчик, ни грузовик.

Знакомый силуэт появился в дверях без стука.

— Ты умеешь заканчивать смену спокойно? — спросила Рина Тарен.

Она была в тёмной куртке, под мышкой держала шлем. На куртке осталось светлое пятно от снятой нашивки. Денис в последний раз видел её восемь месяцев назад, когда она ещё носила эту нашивку и спорила с заводским представителем о ресурсе втулок. Спор закончился тем, что представитель заговорил о характере Риной. Она предложила вписать её характер в акт дефектовки.

— Могу поставить чайник, — сказал Денис. — Больше тут ничего не движется.

— Я видела запись. Груз красиво уложил.

— Ограждение не оценило.

— А зачем вообще полез?

— У тебя с Савиным общие вопросы?

— Возможно, ответы тоже общие.

Рина поставила шлем на преподавательский стол. Сняла перчатки, и Денис заметил свежий ожог у неё на запястье. Она проследила его взгляд и опустила рукав.

— Ты гражданскую лицензию восстановил?

— Теорию сдал. Практику не назначали.

— В Лиге переходов можно пройти отдельный допуск. На заявленной машине, с технической комиссией и ограничениями первого сезона.

— У меня нет заявленной машины.

— Зато есть большой опыт находиться рядом с ними.

Он откинулся на спинку стула.

— Рина, если тебе нужен человек перегнуть что-нибудь без документов, я сегодня уже достаточно помог миру.

— Мне нужен партнёр. Документов будет столько, что ты пожалеешь об этой фразе.

Она положила перед ним складской лист. Денис прочитал первые две строки, потом третью и посмотрел на неё.

— «Кедр-шесть»?

— Да.

— Ты нашла целый?

— Рама целая.

— Обычно на этом разговор заканчивается.

— Обычно собеседник сначала приезжает посмотреть.

Внизу листа стояла дата продажи. Через три дня. Ещё ниже мелким шрифтом: после закрытия торгов непроданные единицы передаются на разборку.

Денис провёл пальцем по краю бумаги. Он помнил эту модель по инженерным колоннам: тяжёлая машина с широкими ступнями, которую называли надёжной до первой необходимости бежать. На хорошем грунте её обходили даже некоторые четырёхногие грузовые платформы. Зато там, где дорога исчезала, «Кедр» часто всё ещё шёл.

— Ты хочешь заявиться в сезон? — спросил он.

— Хочу понять, можем ли мы заявиться. Для этого мне нужен пилот, который знает разницу.

— Другие пилоты уже поняли?

— Другие пилоты спрашивают, сколько я им заплачу.

— Разумные люди.

— Да. Поэтому сейчас я разговариваю с тобой.

Он улыбнулся, но Рина не улыбнулась в ответ. Положила на стол вторую страницу. На ней были цены: сама машина, доставка, стоянка, минимальный ремонт. Итоговую сумму она подчеркнула от руки.

Денис перестал улыбаться.

— Сколько твоих денег?

— Пока несколько. Если решим покупать — почти все.

Он перечитал цифры. Этого хватило бы на несколько лет его нынешней жизни, если жить аккуратно и не пытаться вернуть прежнюю.

— Почему я?

— Потому что я слышала твою команду диспетчеру. Ты запросил чистый сектор, а не решил, что сам всё видишь из кабины.

Денис посмотрел на погашенный экран, за которым лежало его объяснение.

— Не всегда запрашиваю.

— Знаю.

За окном техники снимали с машины последнюю монтажную раму. Правую ногу опускали осторожно, на расширенную плиту. Денис по привычке следил за углом колена, пока не поймал себя на этом.

— Когда ехать?

— Завтра, в семь. Заеду сюда.

— К семи я могу не проснуться.

— Тогда уже сегодня откажись. Мне нужно покупать ещё и будильник — я вычту его из твоей доли.

Рина забрала шлем, но складские листы оставила.

Когда она ушла, Денис открыл нижний ящик стола. Там лежали запасная гарнитура, пачка учебных карточек и старые пилотские перчатки. Перчатки он принёс два года назад, в первый день работы: не знал, выдадут ли здесь нормальные.

Он примерил правую. На костяшках сразу проступила кровь.

Денис снял перчатку, положил её на складской лист и пошёл искать чистый бинт.

Глава 2. Кедр

В семь утра Рина приехала на маленьком грузовом фургоне с двумя разными дверями. На пассажирском сиденье лежала катушка кабеля, на катушке — пакет с булками. Денис убрал кабель на колени и сел.

— Завтрак твой, — сказала она. — Кабель мой. Не перепутай.

— Я думал, инженеры завтракают шайбами.

— Только когда пилоты забирают весь бюджет.

Она развернула фургон и повела его мимо полигона. За окнами потянулись складские дворы, низкие корпуса ремонтных предприятий и грузовики, ожидавшие открытия весовой. Дальше, за городом, возвышались бурые плато. Между ними лежали дороги, по которым сейчас ещё можно было проехать без особой подготовки.

Через месяц некоторые из этих дорог окажутся под пылью. На мостах начнут закрывать высокие машины, рейсы на север станут переносить сначала на часы, потом на дни. Денис не любил это время, когда вся планета будто переходила на разговор шёпотом: связь прерывалась, дальние огни пропадали, люди прислушивались к любому звуку в двигателе.

Именно тогда начинались соревнования.

— Ты увольняться будешь? — спросила Рина.

— Меня пока только убрали с площадки.

— Я спрашиваю на случай, если купим.

— Если купим, поговорю с Савиным. Могу вести вечернюю теорию.

— А днём ремонтировать.

— Ты же инженер.

— Именно. Поэтому я не нанимаю пилота, которому придётся показывать, где у гаечного ключа рабочая сторона.

На выезде из города она остановилась у автоматической мойки колёс. Машина дёрнулась на мокром настиле; по днищу забарабанили струи воды. Рина ждала, пока на табло загорится разрешение.

— С заводом совсем закончила? — спросил Денис.

— Ушла в ноябре.

— Из-за втулок?

— В том числе.

— Их поменяли?

— На тех машинах, которые успели вернуть. На остальных сократили межсервисный интервал.

Рина сказала это ровно, но руль держала крепче, чем требовалось на стоящей машине. Денис не стал уточнять, что значило «в том числе».

Площадка списанной техники находилась у старого грузового терминала. Внешне она почти не отличалась от действующей ремонтной базы, пока они не въехали внутрь. Здесь никто не торопился. У открытых ангаров не было машин с прогретыми двигателями, никто не тащил краном очеред-

ную деталь. На бетонных плитах стояли шагоходы без рук, без кабин, иногда без одной из ног. Их удерживали подпорки, сделанные из того, что оказалось ненужным раньше них.

У будки охраны Рина предъявила пропуск. Охранник пересчитал людей в фургоне, хотя их было всего двое, и протянул Денису бумагу.

— Подпись. На верх машины без страховки не подниматься. Под груз не лезть. Включать только с разрешения сопровождающего.

— А покупать можно без страховки?

Охранник поднял глаза.

— Покупать здесь вообще не советую.

Сопровождающего звали Боров. Он ждал у ворот в ярком жилете поверх толстого свитера и держал планшет так, словно рассчитывал ударить им первого, кто попросит дополнительную скидку.

— Тарен, опять вы, — сказал он.

— Привезла пилота.

— Вчера у вас был сварщик.

— Он уехал. Этот пока остался.

Боров посмотрел на Дениса, задержался на перевязанной ладони и пошёл к дальнему ангару.

«Кедр» стоял внутри, присев на низкую ремонтную опору. Даже в таком положении крыша кабины почти касалась нижних балок. Машину покрасили в серый цвет, но на плечах и спине сквозь облупившийся слой проступал старый зе-

лѐный. Левая рука оканчивалась грузовым захватом. Правой не было вовсе; из заглушённого крепления торчала связка проводов.

Денис обошёл его по широкой дуге.

На левом боку тянулась вмятина. Две панели корпуса сняли и прислонили к стене. На бедре краской написали номер лота, и цифра шесть приходилась на ржавую полосу. Кто-то поставил под машину ведро. На дне блестело масло.

— Рама целая, — повторил Денис.

— Да.

— Всё остальное было в комплекте, когда целой была планета.

Боров фыркнул. Рина присела у ведра, провела пальцем по краю и посмотрела на масло.

— Течёт возвратная линия левого захвата. Манжета высохла. Это два часа работы.

— А отсутствие половины руки — три?

— Руку сняли до продажи. Ведомость я тебе прислала.

Денис получил ведомость ночью, когда уже лежал. Прочитал первые страницы, потом пролистал список отсутствующих узлов, убеждая себя, что утром всё равно увидит своими глазами.

Рина поднялась.

— Прочитал?

— Не всю.

— Тогда начинаем с неё. Хочешь кофе — у Борова в будке

есть автомат. Закончишь, позови.

Она протянула планшет. Денис хотел отшутиться, но она уже отвернулась к открытому плечевому узлу. На бетоне у стены лежали её щупы, лампа и маленькое зеркало на длинной ножке. Это был не первый осмотр, и даже не второй.

Он нашёл чистый ящик и сел читать.

Машина отработала одиннадцать лет в сопровождении инженерных колонн. После удара камнем в бок потеряла часть охлаждающего контура, но дошла до базы своим ходом. Позже с неё сняли исправный правый манипулятор. Ещё позже — дальномер, блок служебной связи и внешнюю систему пожаротушения. Каждый снятый узел имел подпись и дату.

Ничего загадочного. Исправные части были нужны действующим машинам; повреждённая стояла у стены, пока хранение не начало стоить больше, чем ожидание ремонта.

Силовая установка числилась работоспособной. Правый тазобедренный привод — ограниченно работоспособным, с провалом давления при нагреве. Основная рама прошла ультразвуковой контроль, трещин не выявили. На последних страницах лежали результаты измерений Рины. Она проверила раму ещё раз.

Денис поднял голову.

— Восемнадцать тонн без правой руки?

— С ней было девятнадцать с небольшим.

— На таком весе охлаждение надо менять целиком.

— Мы не можем. Пока восстановим штатное.

— До первого длинного подъёма.

— Поэтому сначала узнаем, какой подъём он выдерживает.

Боров прислонился к двери.

— Он вообще ходит, если вас это интересует. До ангара дошёл.

— Когда? — спросил Денис.

— Осенью.

— Трогательная история. Пора продолжать.

Во дворе перед ангаром им выделили испытательную полосу: две ровные плиты, небольшой уступ и площадку из утрамбованного щебня. Денис видел, что там хватит места на разворот, но не на падение. Он дошёл до ограждения, посмотрел на соседние лоты и попросил убрать со стороны правой ноги лёгкую тележку.

Боров посмотрел на тележку, потом на него.

— До неё шесть метров.

— До кабины — семь с лишним.

Рина молча помогла откатить тележку. Потом поставила у ограждения переносной пульт аварийной остановки и подключила собственный кабель к сервисному гнезду машины. Лишь теперь Денис понял, зачем катушка ехала у него на коленях.

— Все права управления у меня, — сказала Рина. — Тебе передам только ходовой контур. Грузовая рука заперта. Пе-

регион из ангара выполняет Боров, у него складской допуск.

— А у меня?

— Испытание под надзором инженера. Здесь допускается при твоей действующей инструкторской квалификации. Лист наряда я согласовала вчера. Ты в нём основной участник, не сюрприз для охраны.

Она развернула экран с разрешением. Денис прочитал его целиком. На этот раз Рина дождалась.

Кабина «Кедра» оказалась шире современной учебной, но свободнее в ней не было. Под правым локтем возвышался кожух механического распределителя, у левого колена торчал блок диагностики, закреплённый явно не там, где задумал конструктор. Кресло обтянули новой тканью поверх старой; из разреза у спинки выглядывал поролон.

Денис осмотрел аварийный выход, крепления ремней и огнетушитель. Баллон был свежий. Рина принесла его сама.

Он сел, отрегулировал упоры под локти и нашёл педали. Левая возвращалась неохотно. Денис нажал ещё раз, прислушался.

— Втулка? — спросил он по связи.

— Пружина. Заедание проверила, ход полный. На плавность обрати внимание.

— А сиденье ты проверяла?

— Моё мнение о нём тебе не понравится.

Боров включил силовую установку. Сквозь корпус прокапало низкое дрожание, вспыхнули экраны. Один из них за-

горелся зелёным только после того, как Боров постучал по боковой панели. Из вентиляции пришёл тёплый воздух с запахом резины.

Машина встала с опоры медленно, почти без качания. Денис ожидал, что отсутствие правой руки потянет её влево, но ходовая система уже учитывала снятый модуль. Исправление было грубым, с большим запасом, зато ноги двигались согласованно.

Во дворе Боров остановил машину, передал управление и спустился. Рина подтвердила, что полоса свободна.

— Сначала четыре шага вперёд. Потом остановка. Не разворачивайся на опорной стопе.

— Помню модель.

— Я помню людей, которые её помнят.

Денис дал первую команду.

Правая ступня поднялась чуть позже, чем он ожидал. Он не стал добавлять ход, дождался переноса веса и положил стопу на плиту. Кресло качнулось вперёд; от педали пришёл заметный толчок. По ноге машины прошёл удар, но выше таза он почти не чувствовался.

Второй шаг вышел лучше. На третьем Денис перестал следить за временем на экране и начал слушать машину. Короткое шипение, тяжёлый ход привода, мягкий доворот стопы в конце опускания. Изношенная педаль раздражала, обзор под правую ногу был хуже, чем хотелось, но «Кедр» не пытался закончить движение за пилота. Выполнял ровно то, что ему

задавали, и требовал заранее решить, куда ставить ногу.

— Четыре, — сказала Рина.

Он остановился.

— Ты считаешь, я забуду?

— Я считаю всё.

Она попросила его вернуть управление на пульт и проверить торможение. После этого разрешила поворот, сначала на ровном месте, потом с выходом на щебень.

Денис развернулся шестью короткими шагами. На пятом пятка задела край плиты, и он ощутил, как корпус начинает садиться вбок. Исправил перенос веса, чуть притормозил левую ногу. Машина послушно выровнялась.

— Зачем добавил левую? — спросила Рина.

— Стопа цепляла. Хотел оставить ей нагрузку, пока правая выходит.

— Хорошо. Назад тем же путём.

— Давай на уступ.

— Сначала назад.

Он вернулся. Пока установка работала на малом ходу, Рина снимала показатели. Боров ушёл к воротам, где грузчик требовал подписать отправку очередной партии металла. Во дворе стало тихо, если не считать самого «Кедра».

Денис глянул через боковое стекло на уступ. Он был ниже ступни, и его легко преодолела бы любая современная модель. Но после уступа начиналась наклонная полоса щебня. На ней можно было почувствовать, как старая рама держит

перекос.

Рина вернулась к связи:

— Температура поднялась. Один выход на уступ и назад. Поставь левую наверх, корпус не докручивай. Режим шага тот же.

— Принял.

Денис начал движение. Левая стопа легла на бетон, правая осталась на нижней плите. Корпус поднялся над уступом с той странной уверенностью, которая отличала тяжёлые инженерные машины от быстрых спортивных: механизмам было безразлично, что пилоту хотелось поскорее закончить неудобную фазу.

Он поднял правую стопу. Она шла медленно, почти касаясь кромки. Денис увидел, что носок не успевает выйти на нужную высоту, и увеличил ход.

Система приняла команду. Давление на миг поднялось, потом провалилось.

В кабине раздался короткий сигнал.

Правый привод остановился.

Стопа зависла над нижней плитой. «Кедр» стоял на левой ноге, вытянув корпус немного вперёд. Денис выругался без слов, одними губами, и проверил распределение веса.

— Не подавай следующую команду, — сказала Рина. — У тебя опора в допустимом секторе. Я снимаю давление с правого контура.

— Я могу поставить её назад.

— Пока не можешь. Подожди.

Он убрал руки с рычагов и положил на колени. Это оказалось труднее, чем сам манёвр.

Машина удерживала положение. Пол кабины стоял под небольшим углом; Денис чувствовал его через подошвы. На щёбне слева валялась круглая крышка от ёмкости. Он смотрел на неё, пока Рина проверяла контур, и представлял, как крышка уедет под семнадцатью с лишним тоннами железа, если левая нога всё-таки начнёт складываться.

Но нога не складывалась.

Рина вывела на его экран схему допустимого опускания. Задала малое давление и разрешила вручную вернуть стопу. Денис выполнял движение осторожно, не пытаясь помочь машине лишним ускорением. Правый носок коснулся бетона, затем на плиту легла пятка.

— Стоишь, — сказала Рина. — Пульт у меня.

Она усадила «Кедр» на выдвижную сервисную опору. Когда давление ушло, Денис отстегнулся и понял, что рубашка опять прилипла к ссадине.

У лестницы Рина протянула ему бутылку воды. Он взял её здоровой рукой.

— Я говорила: тот же режим шага.

— Носок цеплял.

— Я видела. Можно было остановить подъём и заново выбрать точку.

— Можно.

Она ждала продолжения. Денис открутил крышку, выпил и вернул бутылку.

— В машине нет руки, датчик врёт на два градуса, правая нога тёплая уже через десять минут, — сказал он. — А я решил, что быстрее будет продавить.

— Почему?

— Потому что обычно быстрее.

Рина села на край бетонной плиты. После работы в кабине она казалась невысокой, хотя раньше Денис этого не замечал. Или просто машина была слишком большой для их двоих.

— Вот с этим и придётся жить, — сказала она. — «Обычно» тут не работает. Этот конкретный привод сейчас требует ремонта. Потом у него будет другой предел. Но предел всё равно останется.

Денис обошёл машину и встал у левой стопы. На её задней кромке лежала тонкая полоска щебня. Пока правая нога висела, система чуть опустила пятку, не сдвигая стопу. Старый «Кедр» удержал их не за счёт быстрого исправления, а за счёт того, что ещё в начале движения оставил достаточно опоры.

— Она даже не качнулась, — сказал он.

— Качнулась. На полтора градуса.

— Я думал, будет больше.

— Я тоже. Но не хотела проверять это так.

Он присел, провёл рукой по стальному краю стопы. Тол-

стая плита, широкая пятка, небольшая сменная накладка, которую могли выточить в обычной мастерской. На новых машинах стопы были изящнее, а замену приходилось заказывать у производителя.

— Рама держит перекося хорошо.

— Поэтому я здесь третий день.

— И ход можно настроить. Если убрать провал справа.

— Можно.

— Только скорость будет плохая.

— Да.

Рина не торопилась превращать его наблюдения в рекламный рассказ. Денис посмотрел на пустое крепление правой руки. Он уже прикидывал, какой инструмент там можно поставить, и это было опаснее любой её попытки уговорить.

Вернулся Боров. Осмотрел машину, будто за десять минут она могла потерять ещё несколько деталей.

— Ну что? — спросил он.

— Привод остановился на подъёме, — сказала Рина. — Мне нужна цена на узел отдельно, если такие есть в вашей ведомости. И все записи хранения за зиму.

— Вы же ведомость получили.

— Список лотов получила. Мне нужны записи по этой машине.

Боров посмотрел на Дениса.

— Всё ещё хотите покупать?

— Пока хочу знать, что покупаю.

— Тогда зайдёте в контору. Только сначала подпишите окончание испытания.

Он протянул планшет. Денис указал провал давления и остановку привода, Рина добавила показатели. Боров прочитал, недовольно вздохнул, но ничего вычёркивать не предложил.

В конторе пахло растворимым кофе. На стене висел календарь с победителем прошлого Железного сезона: высокий светлый мех стоял на краю скального плато, рядом с ним — пилот в расстёгнутом комбинезоне.

Райнер Ферр выглядел так, будто его только что отвлекли от более важного дела, чем фотография.

Денис задержался у календаря на секунду.

— Знакомы? — спросил Боров.

— Да.

— Его команда хотела эту машину.

Рина подняла глаза.

— Когда?

— Не машину целиком. Опорные узлы. В прошлом году. Не сошлись по цене.

Боров убрал календарь из разговора простым движением планшета. Назвал цену начального предложения, комиссию терминала, стоимость хранения после продажи. На вывоз давали пять рабочих дней. Если они оставляли «Кедр» здесь дольше, за каждый день начислялась отдельная плата.

Денис попросил бумагу и начал складывать цифры. Рина

поправила его расчёт доставки: перевозчик потребует снять грузовую руку и отдельно закрепить корпус. Это увеличивало цену. Кроме того, складской запуск не означал, что машина пройдёт допуск лиги. Систему пожаротушения придётся восстановить, связь — поставить, аварийную лестницу — заменить.

На полях больше не осталось места.

— Сколько у тебя? — спросила Рина, когда они вышли из конторы.

Он назвал сумму. Она кивнула, прибавила свою.

Даже до стартовой цены не хватало. Если торги поднимут её ещё, обсуждать ремонт будет уже бессмысленно.

— Значит, не хватает, — сказал Денис.

— Значит, придётся обсуждать оплату частями. Боров не решает, нужен собственник.

— И ты думаешь, он согласится отдать нам машину за обещание?

— За первый платёж, залог и обязательство с графиком. Не за обещание.

— У меня нет ничего подходящего для залога.

Рина убрала планшет в сумку.

— У меня есть мастерская.

Он посмотрел на неё. Теперь стали понятны и три дня осмотров, и новый огнетушитель, и собственный кабель. Она уже дошла до решения, которое оставалось выразить цифрами.

— Это плохая мысль, — сказал Денис.

— Возможно. Поэтому я хочу услышать, что ты думаешь о машине.

Из открытого ангара был виден «Кедр». Сервисная опора делала его похожим на рабочего, который сел на корточки у слишком низкого верстака. Плечо без руки торчало выше второго. Номер лота был всё ещё на бедре, ведро стояло всё ещё под захватом.

Денис мог перечислить два десятка причин, по которым не стоило брать эту машину. Большую часть Рина уже внесла в таблицу, вместе со стоимостью устранения. Некоторые причины нельзя было устранить: лишний вес, низкую скорость, возраст самой конструкции.

Он вспомнил мгновение на уступе. Правый привод отказал, но у него осталось время подумать, а у Рины — время вернуть машину на землю. Это не делало «Кедр» хорошим. Зато объясняло, почему инженер смотрела на него иначе, чем остальные.

— На открытых участках нас обойдут, — сказал Денис. — Быстрый бой я ему не дам. Охлаждение надо смотреть под нагрузкой, не во дворе. И пока не проверим правый привод после ремонта, ничего обещать нельзя.

— Всё?

— Нет. На сложном грунте я хочу попробовать ещё раз.

Рина несколько секунд смотрела на него, потом достала из сумки его перчатки. Он оставил их на приборной панели.

— В следующий раз по моей команде, — сказала она.

— Сегодня тоже была твоя.

— Первые девять минут.

Денис забрал перчатки. Над ангарами шёл обычный утренний свет, и с близкой дороги доносился шум грузовиков. До сезона оставался месяц, до торгов — два дня. В фургоне ещё лежала непрочитанная половина ведомости.

— Поехали к собственнику, — сказал он. — Посмотрим, сколько стоит десятая минута.

Глава 3. Очень дорогой металлолом

У собственника терминала не было кабинета в терминале. Был шестой этаж в центре Вейра, стеклянная дверь и секретарь, которая посмотрела на рабочую куртку Рины прежде, чем на её пропуск.

Денис стоял рядом и пытался отлепить рубашку от спины так, чтобы это не выглядело главным делом его жизни. На диване напротив сидел мужчина с длинной коробкой на коленях. В коробке, судя по наклейке, лежал образец светильника. Мужчина уже успел рассказать секретарю, что такие светильники стоят в трёх лучших отелях города. Денис подумал, что с восемнадцатью тоннами железа на коленях выглядел бы здесь убедительнее.

— Север через две минуты освободится, — сказала секретарь. — Только недолго. У него видеосвязь в одиннадцать.

Рина посмотрела на часы. Без десяти.

— Успеем назвать цену, — сказал Денис.

— Цену уже назвали. Нам надо успеть назвать условия.

Север встретил их стоя. Высокий, почти лысый, с обожжённым краем левого уха, он меньше походил на хозяина стеклянного кабинета, чем человек с коробкой. На столе перед ним лежала фотография «Кедра» с номером лота.

— Наличными не располагаете? — спросил он, когда они сели.

— Полной суммой — нет, — ответила Рина. — Есть первый платёж и обеспечение.

— У меня двадцать шесть единиц на продажу. Четыре покупателя попросили рассрочку. Всем отказал.

Денис увидел, как Рина чуть подалась вперёд, и сам заговорил первым:

— Давайте начнём с того, почему.

Север посмотрел на него внимательнее.

— Потому что платить мне нужно сейчас. За землю, охрану и хранение чужого железа. Я выкупил имущество предприятия, которое ликвидировали, не для того, чтобы ещё год смотреть на него через камеры.

— Если «Кедр» не продастся, сколько получите за разборку?

— Меньше стартовой цены. Но сразу.

Рина раскрыла планшет. У неё были расчёты демонтажа, перевозки металла и продажи годных узлов. Денис успел посмотреть первые строки, прежде чем Север поднял ладонь.

— Это работа моего оценщика. Вы хотите объяснить мне, что моя машина плохая?

— Мы хотим купить плохую машину, — сказала Рина. — И оставить вам больше денег, чем разборщики. При условии, что часть вы получите позже.

— А вы их откуда возьмёте?

— Из дохода мастерской, выплат лиги и текущей работы.

— Выплат лиги, — повторил Север. — Собираетесь в сезон?

Денис кивнул.

— Вот теперь понимаю четыре заявки на рассрочку. Скоро весь город вспомнит, что умеет шагать.

Север спросил, на какой базе они будут ремонтировать машину, сколько людей в команде и кто подписывает долг. Рина отвечала на первые два вопроса без запинки: своя мастерская на Южном промышленном дворе; команда формируется. На третий они ответили одновременно, разными словами.

— Вместе, — сказал Денис.

— Общее предприятие, — сказала Рина.

Север взял ручку.

— Общее предприятие уже существует?

— Нет, — ответила она.

— Значит, пока вы два человека, которым нравится моя машина. Сначала определитесь, кто из вас что теряет.

Он не попросил их выйти. Дал лист с предварительными условиями и вызвал сотрудницу из соседнего кабинета. Она представилась Нелей, забрала документы на мастерскую и уточнила, согласна ли Рина на проверку отсутствия других обременений.

— Согласна, — сказала Рина.

Денис посмотрел на неё. Она не отвела взгляда.

Через двадцать минут их всё-таки попросили выйти: началась видеосвязь. На этот раз они сели на диван рядом. Человек со светильником уже ушёл, оставив коробку у стены. Денис смотрел на неё, пока Рина читала условия.

— Он хочет мастерскую целиком? — спросил он.

— Залог. Не передачу собственности.

— Я понимаю разницу.

— Тогда не говори так, будто её завтра разберут вместе с «Кедром».

— Если мы не заработаем, разберут послезавтра.

Рина отложила лист.

— У меня там подъёмник и старый станок. Заказы я выполняю на чужих площадках, потому что больших ворот нет. За прошлый месяц на аренду оборудования ушло больше, чем я заработала на трёх ремонтах. Мастерская стоит денег, но не работает так, как мне нужно. Мне нужна машина и работа для неё. Я не ставлю свою жизнь на твою будущую победу.

— Хорошо. На что ставишь?

— На то, что мы доведём её до рабочего состояния. И сможем выполнять переходы и инженерные работы, даже если в лиге окажемся последними.

Этого Денис почему-то не предусмотрел. Он уже видел старт, чужие быстрые машины, время на табло. Рина видела ещё и день после финиша, когда всем придётся чем-то зарабатывать.

— Но выиграть ты хочешь?

— Конечно. Просто не умею оплачивать счета желанием.

Он попросил второй лист. На первом написал свои сбережения: семьдесят четыре тысячи марок. Рина добавила сто двадцать шесть. Всего двести. Стартовая цена «Кедра» — двести шестьдесят, комиссия — тринадцать, перевозка — восемнадцать. Минимальный ремонт и комплект для допуска, по её расчёту, потребуют ещё сто десять.

— Даже с рассрочкой не хватает, — сказал Денис.

— Да.

— И на торгах цену могут поднять.

— Поэтому нужен предел.

Они обсуждали его дольше, чем разговор с Севером. Денис предлагал оставить ещё десять тысяч на возможный шаг торгов. Рина указала на строку аварийной связи. Тогда он предложил отложить восстановление грузовой руки. Она показала, какую часть инженерных заданий они не смогут выполнять. В итоге они договорились: выше стартовой цены не идут.

— Если кто-то даст больше, уйдём, — сказала Рина.

— Уйдём.

Она подвинула к нему лист, и он написал это рядом с суммой. Получилось глупо, почти как обещание больше не опаздывать на занятия. Денису захотелось смять бумагу. Вместо этого он сложил её вчетверо и убрал в карман.

Неля вернулась к ним после полудня. Север согласился

рассмотреть рассрочку на остаток цены при первом платеже сто сорок тысяч. Шесть недель, три процента платы за отсрочку. Машина и мастерская — обеспечение одного долга; стоимость реализации идёт в его погашение, остаток возвращается владельцам. Комиссия и перевозка оплачиваются сразу. Возможность рассрочки внесут в условия продажи, доступные всем участникам. До окончания торгов никаких обещаний закрепить лот за ними не будет.

— Нам нужна копия на проверку, — сказала Рина.

— Получите сегодня. Завтра до четырёх должны вернуть согласие. Документы совместного предприятия — к подписанию покупки.

Неля дала им номер юриста, который обычно сопровождал такие сделки. Рина поблагодарила, но номер не записала.

В фургоне она набрала свою знакомую. Разговор вышел коротким: «Имущество, рассрочка, два участника. Да, мастерская моя. Нет, не подписала». Потом назвала адрес и убрала связь.

— Сколько проверка? — спросил Денис.

— Полторы тысячи.

Он посмотрел на остаток в расчёте.

— Самая маленькая строка.

— Самая полезная, если всё пойдёт плохо.

Вечером они сидели у Риной мастерской. Денис понял, что она имела в виду под маленькими воротами: внутрь входил фургон, а человек мог поднять руку и коснуться ниж-

ней балки. «Кедр» поместился бы здесь только после основательной разборки.

На столе стояли два термоса. Один Рина открыла, когда они пришли, второй не трогала. Денис спросил, что в нём.

— Кофе вчерашний. Не перепутай.

— Это у тебя постоянное правило?

— Люди устают. Подписи спасают жизнь.

Юрист прислала замечания в девять. Пришлось переписать раздел о залоге, уточнить порядок уведомления при просрочке и убрать обязанность вернуть машину в исходном состоянии. После ремонта она уже не будет в исходном состоянии, а после соревнования тем более. Север согласился на изменения, но срок не продлил.

Потом они составили своё соглашение.

Денис хотел поделить всё пополам. Рина поставила перед ним две суммы и напонила про мастерскую. Он предложил шестьдесят пять процентов ей, тридцать пять ему. Она согласилась на шестьдесят три и тридцать семь — по внесённым деньгам; риск залога компенсируется фиксированной выплатой после покрытия долга. Зарплату за работу считают отдельно, не превращая её в спор о собственности. Кредитные и опасные технические решения принимают оба. За право Риной остановить испытание не голосуют.

— А за право пилота отказаться от манёвра? — спросил Денис.

— Тем более.

Он перечитал эту строчку. Подписал не сразу.

— Когда инженеру кажется, что можно, а пилоту кажется, что нельзя, мы обычно спорим до темноты.

— Значит, будем начинать раньше.

На следующий день Денис пришёл к Савину до первой лекции. Рассказал о машине, не называя её перспективной. Попросил вечернее расписание и отпуск за свой счёт на дни основных этапов. Савин выслушал, посмотрел на график занятий и сказал, что расписание можно обсудить. Отпуск — после разбора и гражданского допуска.

— Это не обещание тебя отпустить в любой момент, — добавил он. — Если договорился вести группу, ведёшь. Мне не нужны ещё восемь человек, которые узнали об отмене утром.

— Буду вести.

— И полигонную технику для ремонта не бери. Всё, что можем дать официально, оформим отдельно.

Денис вышел из кабинета с неприятным чувством: он даже не успел попросить о подъёмнике, а Савин уже знал, что попросит. Тем не менее вечером они согласовали три лекции в неделю. Зарплата стала меньше. Расходы от этого не уменьшились.

Торги проходили в том же терминале, в тесном помещении над весовой. Участники сидели за столами, подняв воротники от сквозняка. На стене показывали лоты. Боров стоял у выхода и проверял вывозные документы у тех, кто уже

получил своё железо.

Рина положила на стол их расчёт. Денис достал свой лист с пределом и развернул рядом. Бумага затёрлась на сгибах, хотя прошло всего два дня.

До «Кедра» продавали два транспортёра, тяжёлую насосную установку и комплект опор. Опоры взяла женщина с грязной повязкой на голове. За насосную установку спорили долго; один участник поднял цену, не отрываясь от разговора по связи. Денис следил за его рукой и не понимал, как можно одновременно решать два дорогих вопроса.

На экране появился их лот.

Ведущий перечислил модель, состояние и отдельно оговорил снятые модули. Потом зачитал доступные условия отсрочки. Несколько человек подняли глаза.

— Двести шестьдесят тысяч. Есть предложение?

Рина подняла номер.

На другом конце комнаты мужчина в синем жилете повернулся к своему соседу. Они обменялись несколькими словами. Денис почувствовал, как пальцы сами легли на край карточки.

— Двести шестьдесят от участника одиннадцать. Следующий шаг пять тысяч.

Мужчина в жилете потянулся к своему номеру, но взял вместо него чашку. Сосед покачал головой.

Ведущий подождал.

Денис посмотрел на Рину. Она держала карточку уже на

столе. На костяшках у неё белела кожа, будто номер всё ещё требовалось удерживать над головой.

— Двести шестьдесят. Первое объявление.

У мужчины в жилете зазвонила связь. Он вынул наушник, встал и вышел в коридор.

— Второе объявление.

Денис вдруг захотел, чтобы кто-нибудь поднял цену. Тогда они уйдут по собственному правилу, и он снова придёт на вечернюю лекцию человеком, который разумно отказался от слишком дорогой машины. Можно будет ругать Рину за неудачный выбор и себя за то, что вообще ездил смотреть.

— Продано участнику одиннадцать.

Рина выдохнула и повернула к нему расчёт другой стороной. На чистом месте написал ведущий: «260 000».

Теперь отказ выглядел бы совсем иначе.

Подписи заняли сорок минут. Денис перевёл свою долю, Рина свою; деньги исчезли с экранов без всякого торжественного звука. Неля выдала копии, предупредила о сроке второго платежа и ещё раз уточнила, куда доставлять машину.

— Южный промышленный двор, площадка восемнадцать, — сказала Рина.

— Там мастерская. Мы проверяли площадь.

— Стоять он будет снаружи. А ремонтная полоса у нас общая, я забронировала.

Неля записала адрес и передала ключевой модуль.

Он оказался маленьким, с серой полосой по торцу. Денис ожидал почему-то большего. Рина повернула модуль в руке, проверила номер, положила между ними на стол.

— Кто заберёт? — спросила Неля.

— Он, — сказала Рина. — Мне ещё Борову объяснять, почему я покупаю масло, которое из него вытекло.

Боров проводил их к ангару. Снял с бедра машины пластиковую бирку лота и отдал Денису вместе с актом передачи. Под биркой обнаружился прямоугольник чистой серой краски.

— Перевозчик утром, — сказал он. — Сегодня готовы крепления. Грузовой захват, когда снимете для перевозки, передавайте водителю отдельно. Правого манипулятора в комплекте нет.

Рина уже шла к креплению захвата. Денис поднял голову к кабине.

На полигоне машины принадлежали отделу эксплуатации. Раньше — подразделению. Он мог сломать одну, написать объяснение, получить взыскание; где-то существовал человек, который знал, как оплачивать последствия.

Теперь этот человек стоял под машиной с его долей в кармане и рассматривал мокрую линию на рукаве.

— Ну что, хозяин, — сказала Рина. — Возьми ёмкость. Одно ведро нам всё равно не оставят.

Денис нашёл канистру, опустился на колено и подставил её под соединение. Масло потекло тонкой струёй.

Первое, что он сделал с собственной боевой машиной, — старался не пролить его на бетон.

Глава 4. Лучший из худших

Перевозчик привёз «Кедр» в шесть утра и попросил расписаться, пока машина ещё лежала на платформе.

Рина отказалась.

— Сначала разгрузим и проверим крепления.

— У меня следующая подача в восемь.

— Тогда надо было приехать к пяти, как договорились.

Денис стоял на общей ремонтной полосе и держал в руках выданный перевозчиком сигнальный жезл. Он выглядел дешёвым и игрушечным. Восемнадцать тонн над ним выглядели настоящими.

Крановщик поднял корпус, подождал, пока платформу вытянут из-под ног, и начал опускать. Рина следила за стропами, Денис — за опорами. Пока машина спускалась, из соседних боксов вышли люди. Один принёс чай. Другой спросил, будут ли показывать, как она ходит. Хозяин малярной мастерской попросил поставить её так, чтобы тень не падала на его сушильную площадку.

— Сейчас солнце передвину, — ответила Рина.

Ей пришлось переставить одну опору, потому что под плитой обнаружилась трещина. Перевозчик смотрел на часы. Когда корпус наконец лёг правильно, Денис понял, что почти всё время простоял, стиснув жезл обеими руками.

Машина оказалась выше любого строения на Южном дво-

ре. Разве что водонапорный бак соперничал с ней, но он торчал вдали и не требовал ремонта.

Рина расписалась. Водитель забрал документы, отказался от чая и уехал.

— Ну вот, — сказал Денис. — Теперь всем видно, куда мы дели деньги.

Рина обошла правую ногу, проверила стропы, которые они оставили для работы, и остановилась у бедра.

— До обеда снимаем привод. После обеда его надо разобрать. Завтра у нас оплаченный заказ на погрузчик. После-завтра — осмотр водяной станции. Без этих денег новые уплотнения не купим.

— Ты себе хотя бы ночь на сон поставила?

— Между погрузчиком и станцией.

Он посмотрел на инструментальные ящики. Их было три. Третий стоял пустой: Рина выложила всё для разгрузки.

— Нам нужен техник.

— Нам нужно пять человек. Пока нас двое.

К полудню они сняли кожух, отключили линии и подготовили узел к подъёму. Денис работал медленнее, чем ожидал от себя. Он помнил расположение большинства креплений, но не помнил, какое из них без специальной головки лучше вообще не трогать. Рина остановила его дважды. На третий раз он сам спросил.

Вынутый привод положили на стенд. Рина сразу увидела следы старого ремонта. Кто-то заменил часть уплотнений, но

оставил изношенный направляющий узел. На холодной машине всё держалось; по мере нагрева зазор увеличивался, давление уходило.

— Как у нас, — сказал Денис. — Утром обещаний больше.

Рина не ответила. Складывала снятые детали на ткань, выстраивая их по порядку. На одну приклеила красную этикетку.

Денис достал связь и нашёл Матвея Глена.

Первую минуту Матвей не хотел вспоминать, кто звонит. Потом вспомнил и спросил, нужна ли помощь с новой демонстрационной машиной.

— Со своей.

— Ты женился на богатой женщине?

— Купили «Кедр-шесть».

Матвей помолчал.

— Значит, нет.

— Посмотришь?

— Денис, я десять лет смотрел на них. Потом ещё три года исправлял то, что увидел. Сейчас у меня две установки на обслуживании, мне хорошо.

— Мы заплатим.

— Сколько?

Денис назвал сумму за осмотр. Матвей отказался. Назвал свою — в два раза больше.

— И это только осмотр. В сезон я не поеду.

— Сначала осмотр.

— Тарен там?

— Рядом.

— Дай ей.

Рина взяла связь, выслушала и начала перечислять показатели. Денис отошёл к машине, чтобы не слышать, как они двумя фразами решили то, что он пытался объяснить пять минут. Через четверть часа она сказала, что Матвей приедет в среду.

— Ты же хотела разобрать сегодня.

— Мы и разобрали. Решение о ремонте он подтвердит до заказа деталей.

— Он сказал, не поедет.

— Я слышала.

Кира Денис нашёл в тренировочном центре. В просторном зале стояли шесть кабин, соединённых с подвижными основаниями. Движение было убедительным до той минуты, когда игрок замечал, что за окном всегда один и тот же вид плато. На настоящем маршруте такой любезности ждать не приходилось.

Кир закончил заезд с третьим временем дня. Выскочил из кабины, вытер лицо полотенцем и первым делом посмотрел на общий экран.

— Привод ног здесь медленный, — сообщил он Денису.

— Для всех один.

— Поэтому разница между нами могла быть больше.

Ему было двадцать пять. Он дважды приходил на занятия Дениса и потом ещё месяц писал вопросы про старые операции. Вопросы были толковые, только Кир почему-то считал, что каждая операция имела один идеальный способ завершиться.

Они сели у окна. Денис рассказал о лиге, собственном мехе и вакансии резервного пилота. Кир успел улыбнуться до того, как услышал название модели.

— «Кедр»? Серьёзно?

— Шестой.

— Я понял. На пятом ты бы даже не пробовал.

Денис посмотрел на экран с его третьим временем.

— На чём сезон сам проходишь?

— Переговоры есть.

— Какие?

Кир отвёл взгляд. Переговоры оказались обещанием из команды «Меридиан» рассмотреть резервного пилота, если уйдёт человек с действующим допуском. Тот пока не собирался уходить.

— С вашей машиной тоже не факт, — сказал Кир. — Квалификация, ресурс, бюджет. Зачем мне потерять месяц?

— Чтобы получить свою практику. Мы заявляем двух пилотов. На некоторых заданиях тебе придётся работать на вспомогательной платформе, на основных маршрутах я за рулём. Заезды на «Кедре» будут. Конкретные часы впишем в договор.

— Зарплата?

Денис назвал нижнюю границу. Кир повертел в руках полотенце.

— Я сейчас больше зарабатываю на доставке.

— Верю. Там машины уже починили.

Они договорились встретиться после осмотра Матвея. Кир попросил не считать это согласием.

— Не буду, — сказал Денис. — И ты не считай, что я забронировал кресло навсегда.

Ада Верн приехала сама. Рина позвонила ей по рекомендации знакомого спасателя; Ада предложила заодно посмотреть связь на Южном дворе. За её спиной висел плоский рюкзак, в руке она несла приборный кейс. Ни масляных пятен, ни лишнего инструмента. Денис даже почувствовал необходимость протереть стол.

Ада открыла кейс, поставила две станции, прошла до ворот и попросила его остаться возле машины.

— Произнесите числа от одного до десяти.

— Один, два...

— Не быстро. Как будто диктуете показания.

Он повторил. На пятом числе она завернула за малярную мастерскую. На шестом станция захрипела. Девятое Ада не слышала.

— Это двор, — сказала она, вернувшись. — Здесь ничего не происходит. В буре будет хуже.

— Поэтому мы тебя и позвали.

— Я не улучшаю приём собственным присутствием.

Ада положила перед ними перечень. Основная станция, отдельное питание резерва, кабельный канал для работы рядом с машиной, переносные маяки, независимый приёмник навигации, бумажные схемы аварийных зон. Денис увидел новую сумму и посмотрел на Рину. Та не выглядела удивлённой.

— У меня оборудование есть, — сказала Ада. — Но оно арендуется, а не дарится команде. И нужен второй человек, который сможет развернуть его, если со мной что-то случится.

— Я могу, — сказал Денис.

— Когда вы в кабине?

Он покачал головой.

— Резервный пилот. Если согласится.

— Тогда привезите его. И ещё: медицинское обеспечение лиги не отменяет аптечку и обучение команды. Я имею квалификацию полевого медика, но операционную в вашем фургоне не устрою.

Рина спросила, сколько времени потребуется на подготовку. Ада ответила: два дня при рабочей системе питания, потом проверка в движении. Денис спросил, согласится ли она на отсрочку части оплаты до первых выполненных заказов.

— На часть — да. На всю — нет. У меня квартира и работа, которую придётся отдать коллеге. Неоплаченная аренда оборудования не будет превращаться в мою ставку на ваше

место в таблице.

— Мы вообще умеем производить впечатление людей, которые заплатят? — спросил он, когда она уехала.

Рина сняла перчатку и показала на подписанный заказ на погрузчик.

— Пока только этих людей.

В среду Матвей появился к восьми. Маленький человек в просторном комбинезоне, он первым делом попросил стул. Денис принёс. Матвей поставил его рядом с приводом и сел, не притронувшись к инструментам.

— Запуск кто смотрел?

Рина ответила.

— Схема температур где?

Она включила планшет.

— Корд, чай есть?

Денис ушёл за чайником. Когда вернулся, Матвей уже держал повреждённый направляющий узел. Повернул к свету, провёл ногтем по кромке.

— Этому ремонтнику надо руки оставить, — сказал он.

— Неожиданно милосердно, — заметил Денис.

— За станок больше не пускать. Руками он хотя бы чай пить сможет.

Дальше Матвей работал молча. Измерил посадочные места, попросил снять ещё одну крышку, нашёл старую метку регулировки и сравнил с ведомостью. Под корпус залез сам, отказавшись от предложения Дениса подсветить.

— Ты светишь туда, где интересно тебе. Мне от этого всё время темно.

К одиннадцати на столе лежал список. Большая часть выводов совпала с Риниными. Два дорогих узла менять пока не требовалось: после разборки их можно восстановить. Зато Матвей забраковал крепление нижней лестницы и одну из возвратных линий. Денис видел эту линию снаружи и считал, что она годится.

Матвей разрезал снятый участок. Внутри трубка расслоилась.

— Снаружи куртка тоже целая, — сказал он, глядя на Дениса. — А под ней на записи кровь была.

— Уже зажило.

— Железо времени не знает. Сломается сегодня.

Денис предложил ему работу ещё раз. Матвей назвал прежние две установки и отказался ещё раз. Рина не вмешивалась. Продолжала сверять список с бюджетом.

— Что должно измениться, чтобы ты согласился? — спросил Денис.

Матвей отодвинул пустую чашку.

— Твоя манера приглашать. Ты мне предлагаешь историю. Старый мех, большой сезон, будем всех удивлять. Я историю уже прожил. Сейчас хочу знать, кто покупает детали, кто разрешает запуск и что происходит, когда я говорю «нет».

Рина подняла взгляд.

— Покупки по согласованной ведомости. За запуск отвечаю я, техническое заключение ваше. Если вы запрещаете запуск из-за состояния узла, машина остаётся на опоре. Возражения обсуждаем после остановки.

— А пилот?

— Пилот присутствует, — сказал Денис.

Матвей не улыбнулся.

— Присутствие — хорошее начало. Лучше, чем «на месте разберёмся».

Он не согласился в тот день. На следующий привёз подходящую головку для крепления и сказал, что это личный инструмент, который заберёт с собой. Ещё через день прислал проект условий на три недели подготовки и сезон. Фиксированная оплата, отдельная аренда оборудования, запрет списывать зарплату за плохое место в зачёте. После первой недели оба могут прекратить договор, оплатив выполненную работу.

Рина вычеркнула один пункт про неограниченные расходные материалы. Матвей вернул ограничение в понятных цифрах. Они подписали.

Кир приехал в субботу. «Кедр» стоял без правого привода, и молодой пилот сначала просто прошёл под ним, запрокинув голову. Денис разрешил подняться в кабину после проверки лестницы. Кир сел, пощупал рычаги и спросил, можно ли включить экраны.

— Только диагностику. Силовой контур разомкнут.

Молодой пилот нашёл на экране последнюю запись испытания. Посмотрел остановку на уступе дважды.

— Тут можно было раньше поставить левую, — сказал он.

— Можно.

— Почему не поставил?

— Неправильно выбрал шаг.

Кир посмотрел на него. Денис ждал вопроса про провал давления, но тот промолчал. Потом запустил запись ещё раз, уже медленнее.

— Широкие стопы, — сказал наконец.

— Наконец-то ты заметил хоть что-то хорошее.

— Кресло тоже можно переобить.

Они провели час на тренажёрной схеме управления, подключённой к наземному компьютеру. Кир торопился и несколько раз получал предупреждение о переносе веса. В конце спросил, будут ли у него самостоятельные задания или он весь сезон просидит запасным.

Денис достал проект договора. Там уже стояли часы подготовки и право на квалификацию для вспомогательной платформы. Кир перечитал страницу, сфотографировал и попросил вечер на решение.

Согласие пришло ночью. Рина внесла его имя в список команды, но заявку не отправила: до гражданского допуска пилотов и технической проверки машина оставалась просто дорогим имуществом на общей площадке.

В понедельник они впервые собрались впятером.

Матвей сидел на своём стуле, Ада раскладывала батареи, Кир стоял рядом с Денисом и пытался не смотреть на возвышающийся над ними корпус. Рина повесила на боковой панели магнитную доску. В первой колонке были работы, во второй — ответственные, в третьей — деньги и сроки.

Денис узнал собственную фамилию напротив трёх задач: подготовка пилотов, оплаченные занятия, очистка второго охлаждающего контура.

— Я думал, пилот команды получит что-нибудь поинтереснее.

— Получит, — сказала Рина. — Когда выполнит эти.

Ада развернула маленькую схему и показала Киру два разъёма.

— Ты обещал уметь всё быстро, — сказала она. — Начни с того, чтобы не воткнуть резервное питание в линию данных.

— Я такого не обещал.

— Тогда у тебя есть запас для хорошего впечатления.

Матвей поднял руку, требуя внимания.

— Важный вопрос. Кто последний пользуется чайником, тот наливает воду. Не ставит пустой на место, не сообщает миру, что чай закончился. Наливает воду.

Рина записала это внизу доски.

Денис смотрел на четыре фамилии рядом со своей. Никто из этих людей пока не говорил, что они обязательно победят. Матвей всё ещё считал покупку дурной, Ада считала обору-

дование недостаточным, Кир — машину медленной. Даже Рина могла назвать хороший корпус только хорошим корпусом.

Зато завтра каждый из них собирался прийти.

Он взял со стола инструмент для очистки и пошёл к открытому охлаждающему контуру. На этот раз не пришлось искать, какая у него рабочая сторона.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.